

следователей, стал «культурной прошивкой времени», обнажив «дремавшие в чулане общества» проблемы и дав старт многим новациям в сфере искусства и в целом в культурной индустрии [5]. Так, Дж. Александер, разрабатывая направление «культуральная социология», считает, что за фасадом массового общества и порождаемой им массовой культуры скрывается целый неизведанный мир символов, кодов и ритуалов, которые не укладываются в привычные стереотипы и которые нужно разглядеть и расшифровать [6, с. 1–19]. При помощи «культурного кода» (знака времени и социального пространства), в качестве которого выступает рок-н-рол, можно интерпретировать и понять внутренние, скрытые механизмы индустрии массового общества, техники манипуляции сознанием, применяемые в публичной сфере массовой культуры. Рок-н-рол с момента своего возникновения, своеобразно соединявший традиции и новации, создавал коллаборации различных жанров и форм. Они стали основой рок-революции 60-х, породив феномен Битлз, продолжают использоваться и в современной культуре. Дело, начатое Элвисом Пресли и другими пионерами рок-н-рола, «проросло в будущее». Рок-н-рол оказал значительное влияние на культурные трансформации общества, став, по образному выражению О. Хархордина, ареной, где создается новая история [7].

Литература

1. Jammi Russel. Saturday Night and Saturday morning (1960) / BBC. – 07.10.2002. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S3ZqjvfirtU> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий : сборник статей / под ред. Ф. Барта. – М. : Новое издательство, 2006.
3. Хезмондалш Д. Культурные индустрии. – М. : Изд. дом Высшей экономики, 2018.
4. Даншен С. Элвис Пресли: Реванш Юга. – М. : Молодая гвардия, 2012. (Жизнь замечательных людей).
5. Харрис Дж. Рок-н-рол: грязь и величие. – М. : АСТ, 2015.
6. Alexander J. Iconic Experience in Artand Life // Theory, Culture Society. – 2008. – Vol. 25 (5). – P. 1–19.
7. Хархордин О. Республика, или Дело публики. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 161 с.

*Д. М. Ковба**

Ракурс исследования международных взаимодействий: между государством и человеком¹

В условиях усиления взаимозависимости и взаимосвязанности глобальной среды, стремительного развития новых технологий возрастает степень воздействия отдельных людей и социальных групп на мировую политику. Многие современные глобальные проблемы не могут быть решены в рамках отдельных государств. Происходящие в мире изменения привели к закономерному повышению интереса к изучению роли человека в области международных отношений. Фиксируется смещение фокуса исследования от национальных государств к отдельным личностям и сообществам людей. Утверждается, что такой поворот позволяет получить более глубокое понимание международной политики.

Ключевые слова: человек; государство; гуманитарные кризисы; международные отношения; транснациональные отношения.

На сегодняшний день существуют технические возможности установления контакта между акторами, находящимися в разных частях мира, в считанные минуты. Подобные изменения трансформировали пространство земного шара, сократив его. Тем не менее, по мере усиления взаимозависимости, многие исследователи продолжают, вслед за Макиавелли, осмыслять пространство в категориях государств, каждое из которых является суверенным и руководствуется национальными интересами. В этой системе человеку отводится очень небольшое внимание. Тем не менее основные проблемы, существующие в области международных отношений (МО) (такие, как борьба с нищетой и голодом, война и мир, доступ к медицинской помощи, стихийные бедствия и др.), затрагивают повседневную жизнь людей и так или иначе связаны с человеческим достоинством. Целью данного ис-

* *Дарья Михайловна Ковба*, канд. полит. наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

следования является изучение человеческой перспективы в международных отношениях.

По мнению исследователей [7, с. 29], взгляд на политику через призму национальных государств являлся господствующим до середины XX в. В XVIII в. такие представители научной мысли, как Жан-Жак Руссо и Дени Дидро, рассматривали государство как первичное образование людей. Так, Руссо полагал, что общество должно основываться на общих интересах, языке, идентичности опыта, формируемого в рамках государства. Такой подход доминировал и в период Второй мировой войны в рамках реалистической теории, в которой акцент делался на внешней политике государства А по отношению к государству Б.

В 1959 г. вышло критическое эссе С. Хоффмана «Международные отношения: долгий путь к теории» [4, с. 376], в котором содержался призыв принимать во внимание все аспекты мировой политики, изучать, какую роль могут играть различные силы, действующие в разных странах, обсуждать, в какой степени достаточно опоры на существующие процессы и институты, а в какой – необходимо создание новых институтов, в каких ситуациях необходим учет материальных и духовных факторов. Данное эссе свидетельствовало о повороте к системному анализу в области МО. В рамках данного подхода работали М. Каплан, Д. Розенау, К. Кнорр и С. Верба.

Тем не менее в рамках системного подхода национальное государство продолжало рассматриваться в качестве основной единицы изучения. Ч. Алджер предложил заменить исследование системы наций на исследование *сообщества людей*. Он утверждал, что мир является не суммой государств, а совокупностью общественных групп – этнических, профессиональных, религиозных, национальных и других [3, с. 408]. Такой угол зрения на МО не отрицал важности государств, но говорил о необходимости изучения международных взаимодействий, что позволяло получить более глубокое понимание международной политики.

Ф. Джессеп в 1956 г. выдвинул идею использовать термин «транснациональное право», регулирующее события или действия, которые выходят за пределы национальных границ [6, с. 2]. Исследователь полагал, что словосочетание «международное право» не описывает всей полноты правовых отношений, так как предполагает, что речь идет лишь о взаимодействии государства с другими странами. К транснациональному (или квазимеждународному) праву относят деятельность отдельных лиц, транснациональных корпораций, организаций и иных групп. Тематикой транснациональных взаимодействий занимались также политологи Дж. Най и Р. Кохейн. Они полагали, что наряду с «межгосударственными от-

ношениями», в рамках которых поднимаются проблемы войны и мира, торговли и др., существуют и *транснациональные* (это отношения, в которых хотя бы один участник не представляет правительство или межправительственное объединение, а является отдельным лицом или организацией) [8, с. 332].

П. Мастерс утверждает, что смена ориентации с национальных государств на неправительственные организации, в особенности на отдельные личности, произошла в результате учета современных технических достижений, благодаря которым мир превращается в одно глобальное сообщество [7, с. 23]. Об усилении взаимозависимости говорит, во-первых, увеличивающийся объем взаимодействий между людьми из разных частей света; во-вторых, расширяющаяся сеть межнациональных организаций (религиозных, деловых, научных, художественных и др.), не связанных рамками национальных государств, а в-третьих, возрастающее сходство институтов и социального поведения, интернационализация социальных проблем.

Одной из ключевых работ последнего времени является «Глобальный договор: поведение человека в мире государств» Р. Джексона [5]. «Глобальный договор» для автора книги основан на концепции формального суверенитета в международном праве (государства уважают территориальную целостность и политическую независимость друг друга). В то же время Р. Джексон понимает международную политику как вид человеческих отношений. Сосредоточение внимания на человеке и отказ от идеи о том, что международные отношения механистичны, отличает его концепцию от идей, выдвинутых в рамках реализма и неореализма. Наряду с подчеркиванием роли государств в МО, автор задается нормативными вопросами: «Существует ли международное сообщество? Каково главное обоснование государственного суверенитета? Существует ли сообщество человечества? Как права человека вписываются в мир суверенных государств?» [5, с. 61].

Отечественные исследователи также проявляют интерес к человеку в области МО. Так, А. М. Кузнецов пишет об антропологическом повороте в современных гуманитарных науках вообще и в МО в частности [2, с. 218]. Он приходит к выводу, что исследование человеческого измерения в МО может быть осуществлено на нескольких уровнях:

- отдельных индивидов, в том числе тех, чья деятельность непосредственно связана с международной политикой;
- ментальных, психологических и иных качеств и свойств индивидов;
- участия индивидов в деятельности международных институтов и организаций [2, с. 226].

С нашей точки зрения, место человека в системе МО следует рассматривать через субъект-объектные отношения. При рассмотрении человека в качестве субъекта могут подниматься такие вопросы, как роль личности в мировой политике (например, изучение влияния таких людей, как Ганди, де Голль, Гитлер); деятельность человека в локальных организациях, которые, в свою очередь, встраиваются в международную систему; человек как субъект международного права и т. д. При исследовании человека как объекта изучаются такие проблемы, как влияние международных взаимодействий на жизнь отдельных людей и социальных групп [1, с. 456], оказание помощи нуждающимся в ситуации гуманитарного кризиса, защита прав человека и другие.

Литература

1. Ковба Д. М. Гуманитарная дипломатия: между политикой и гуманизмом // VII Информационная школа молодого ученого : сборник научных трудов / Центральная научная библиотека УрО РАН. – Екатеринбург, 2019. – С. 456–460.
2. Кузнецов А. М. Человек в международных отношениях: дань времени или необходимая трансформация парадигмы? // Политическая концептология. – 2013. – № 2. – С. 218–229.
3. Alger C. F. Comparison of intranational and international politics // American Political Science Review. – 1963. – Vol. 57. – С. 406–419.
4. Hoffmann S. H. International Relations: The Long Road to Theory // World Politics. – 1959. – Vol. 11, № 3. – P. 346–377. doi:10.2307/2009198.
5. Jackson R. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States, Oxford University Press, 2000. – 480 p.
6. Jessup P. C. Transnational law. – New Haven : Yale University Press, 1956.
7. Masters P. E. The humanistic perspective in international relations // The Humanistic Psychologist. – 1986. – № 1. – P. 29–37. DOI:10.1080/08873267.1986.9976750.
8. Nye J. S., Keohane R. Transnational relations and world politics: An introduction // International Organization. – 1971. – Vol. 25, № 3. – P. 329–349.

Е. В. Шлегель*

Поколение Z: между индивидуализацией и массовизацией

В материале рассматривается взаимосвязь между процессами индивидуализации и массовизации у поколения Z, выдвигается тезис о том, что эти тенденции в жизни «детей цифры» тесно переплетаются, а не противоречат друг другу. Новое поколение, с одной стороны, несколько отгораживается от реального мира, ощущая и создавая свою уникальность и индивидуальность, а с другой стороны, поддерживает чувство общности, единства и солидарности, но только зачастую посредством виртуальной среды.

Ключевые слова: поколение Z; цифровое поколение; частное и общее; индивидуализация; массовизация; включенность.

Уже двадцать лет назад Зигмунд Бауман охарактеризовал ситуацию в современном массовом обществе как «расширяющуюся пропасть между “общественным” и “частным”, постепенный, но неуклонный упадок искусства перевода частных проблем на язык общественных и наоборот» [1]. Британский социолог говорит об утрате сбалансированности между этими двумя сферами, за счет которой поддерживалась устойчивость социального порядка. Общество становится индивидуализированным. Три главных признака этого общества – это утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов; возрастающая неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом не контролируемых ею перемен; наконец, возникающее в таких условиях стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов [5, с. 143].

Один из «продуктов» этого индивидуализированного общества – цифровое поколение (поколение Z). Все три вышеперечисленных аспекта, несомненно, влияют на становление «цифровых аборигенов», делая их, по мнению многих исследователей, невероятно индивидуалистичными. Исследователь А. С. Сапа даже ставит со-

* **Елена Владимировна Шлегель**, аспирант 3-го курса направления «Философия, этика и религиоведение», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).